

Федор
ТЮТЧЕВ

Не верь, не верь
поэту, дева...

Федор Тютчев

**Не верь, не верь
поэту, дева... (сборник)**

«ЭКСМО»

Тютчев Ф. И.

Не верь, не верь поэту, дева... (сборник) / Ф. И. Тютчев —
«ЭКСМО»,

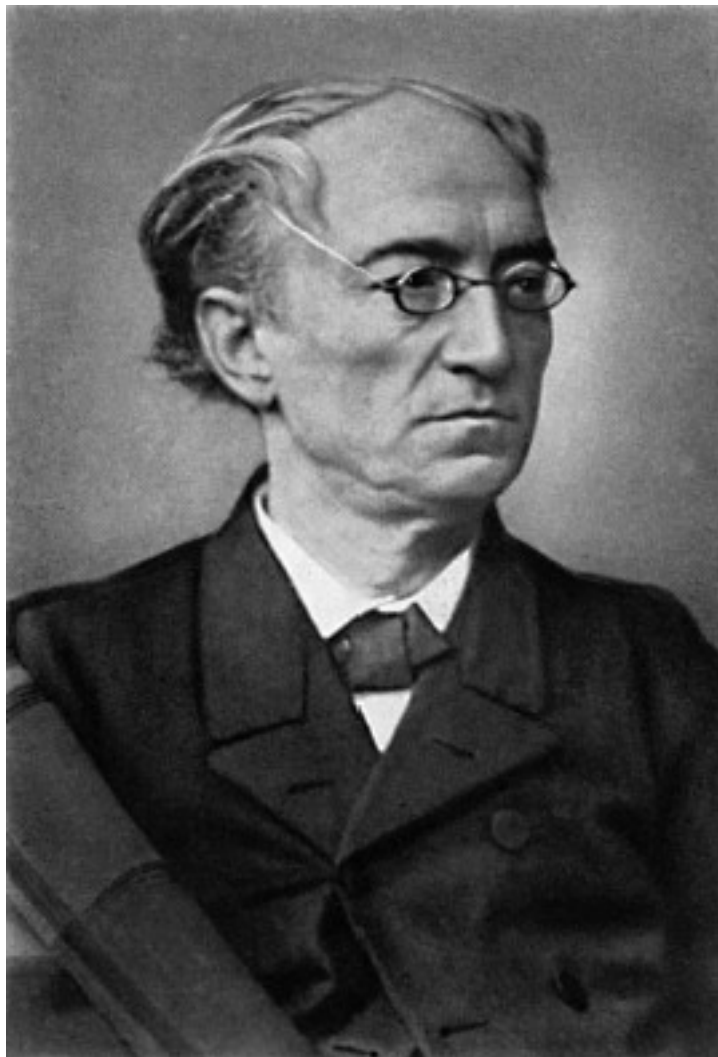
О Тютчеве написано множество ученых и умных книг, однако вернее всех угадал тайну этой гениальной личности младший современник поэта Иван Тургенев: «О Тютчеве не спорят; тот, кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии». Сборник избранных стихотворений Федора Тютчева – подарок истинным ценителям русской поэзии.

Содержание

Блажен, кто посетил сей мир	6
К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ	7
С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ (Из Гейне)	9
В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ (Из Байрона)	10
ПЕСНЯ (Из Шекспира)	11
К Н.	12
ПРОБЛЕСК	13
14-ОЕ ДЕКАБРЯ 1825	15
САСНЕ-САСНЕ[2]	18
ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА	21
ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР	22
ВИДЕНИЕ	23
БЕССОННИЦА	24
УТРО В ГОРАХ	25
СНЕЖНЫЕ ГОРЫ	26
К N.N.	27
ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ	28
«Еще шумел веселый день...»	29
ВЕЧЕР	30
ПОЛДЕНЬ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Федор Иванович Тютчев

Не верь, не верь поэту, дева...

Блажен, кто посетил сей мир

Ф. И. Тютчев.

Портрет маслом работы неизвестного художника.

Начало 1820-х годов.

О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии.

И. С. Тургенев.

Из письма к А. А. Фету

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседряюще струей,
Как пламень Божий, ниспадали
На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Ноябрь (?) 1820

Москва

Овстуг – родовое имение Тютчевых. Вид из окна.

Рисунок сделан с натуры другом Тютчева поэтом Яковом Полонским.

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ (*Из Гейне*)

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его выюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

Не ранее апреля 1823–1824
Мюнхен

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ (*Из Байрона*)

Как медлит путника внимание
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в нашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»

Не позднее середины 1826

ПЕСНЯ (*Из Шекспира*)

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провешал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

Конец 20-х, начало 30-х гг.

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог – увы! – умиловать их —
Он служит им укрою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горе духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

ПРОБЛЕСК

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон,
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

Не позднее осени 1825

Осенью 1825 года Тютчев наконец-то получил законный отпуск. Роковой декабрь застал его в Москве. В городском родительском доме. В июле 1826-го были повешены зачинщики «возмущения», а в августе Федор Иванович написал свой знаменитый политический памфлет «14-ое декабря 1825».

Взгляд Тютчева и на само декабрьское восстание, и на декабристов резко отличается от типично либерального, однако и с консервативной точкой зрения не совпадает: он осуждает декабристов не за то, что осмелились поднять меч на помазанника Божия, то бишь царя, а за то, что они, «жертвы безрассудной и недозрелой мысли», не сообразили: ни кровь, пролитая за святое дело, ни жар их любви к несчастной отчизне не смогут растопить «вековую громаду льдов» – русский «вечный полюс» общественного холода¹.

---

¹ Текст, набранный курсивом, принадлежит составителю.

14-ОЕ ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

Не ранее августа 1826

Парные портреты братьев Тютчевых были заказаны родителями неизвестному, видимо, крепостному, художнику осенью 1825 года, когда младший сын после трехлетней разлуки приехал наконец в отпуск и оба брата вновь оказались вместе, под крышей отчего дома.

Братья Тютчевы, несмотря на то, что трудно сыскать двух столь разительно непохожих людей, были невероятно дружны с самого раннего детства, благо разница в возрасте была незначительной. Николай Иванович, пошедший и характером, и внешностью в отца, — практичный, добрый, легкий в быту, относился к семье Федора как если бы это была его собственная семья. Основательный, крайне ответственный, он порой выходил из себя, в сердцах называя брата пустейшим человеком, но быстро успокаивался и снова тянул семейную лямку. К нему, а не к мужу обращались в случае той или иной неотложной хозяйственной нужды и жены Федора Ивановича. Николай Иванович никогда не отказывал невесткам в помощи.

Братья Тютчевы: Николай (вверху) и Федор.

Парные портреты работы неизвестного художника.

Н. И. Тютчев.

Портрет работы неизвестного художника. <Москва, сентябрь – ноябрь 1825 г.>

Ф. И. Тютчев.

Портрет работы неизвестного художника. <1825 г.>

CACHE-CACHE²

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики не даром лукаво глядят,
Не даром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне слышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

Не позднее 1828

---

² Игра в прятки (франц.). – Ред.

Элеонора Ф. Тютчева, первая жена поэта.

Портрет работы неизвестного художника.

Мюнхен, середина 1820-х годов.

Дочери Тютчева от первого брака. Слева направо: Анна, Дарья, Екатерина.

Рисунок А. Саломе. Мюнхен, 1843 г.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Не позднее 1828

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ее
Коснулись ключевые воды.

Не позднее 1828

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

1828 – не позднее первой половины 1829

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

Не позднее 1829

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

*Не позднее 1829
Зальцбург (?)*

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилась гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Горе, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

*Не позднее 1829
Зальцбург*

K N.N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей —
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенья персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих молодых ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

Не позднее 1829

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

Не позднее 1829

«Еще шумел веселый день...»

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносились порой
Все звуки жизни благодатной —
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долгод ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлеч, незримый, в царство теней.

Не позднее 1829

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шорох стаи журавлиной,
И в шуме листьев замер он.

Как море внешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Не позднее 1829

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.